

Содержание

ISSN 2587-8190

Алексей Попович. Жертва «живая» и «мертвая». <i>Топос и разноречие контекста в книжности Древней Руси XI–XIV веков.</i>	115
Михаил Люстров. Гренландская тема в русской литературе XVII–XVIII веков	136
Олег Ларионов. К источникам «Разговора о счастье» Н. М. Карамзина	147
Андрей Люстров. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». <i>Судьба двух редакций в школьном каноне</i>	160
Екатерина Колеватова. Финансовые махинации и драматический конфликт. <i>Сюжетные схемы и функции персонажей в русской драматургии второй половины 1870-х годов</i>	174
Алина Соломонова. Особенности изображения ощущений и создания заболевшего персонажа (<i>на примере произведений А. П. Чехова</i>)	187
Оксана Толстоноженко. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века	207
Катерина Брылева. Воспоминания зятя. <i>Об одном источнике сведений Николая Гумилева о Т. Готье.</i>	221
Илья Веницкий. «Завещание Сергея Есенина». <i>История одной мистификации.</i>	234
Анастасия Трушина. Функция библейских подтекстов в очерке М. А. Булгакова «Часы жизни и смерти»	276
Екатерина Тарасова. Из чего сделана «Пиковая дама» Евгения Замятина?	282
Александр Кобринский. Хармс – кинозритель. <i>Из реального комментария к записным книжкам</i>	299
Александр Жолковский. Разбор трех разборов. <i>Автоэвристические заметки.</i>	312

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2019 XV (2–3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2019 (2-3)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Фин-
ляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnââ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2019

© «Летняя школа по русской литературе», 2019

Contents

Alexey Popovich. Victim “Living” and “Dead”. <i>A Topos and the Contradiction of Context in the Books of Ancient Russia of 11th–14th Centuries</i>	115
Mikhail Ljustrov. Greenland Theme in the 17–18th Centuries Russian Literature	136
Oleg Larionov. Towards the Sources of Nikolay Karamzin’s “Conversation on Happiness”.	147
Andrey Lyustrov. N. V. Gogol’s “Taras Bulba”. <i>Two versions in the Russian school canon</i>	160
Ekaterina Kolevatova. Financial fraud and dramatic conflict. <i>Plot schemes and character functions in Russian drama in the second half of the 1870s</i>	174
Alina Solomonova. Artistic Peculiarities of Representation an Ill Character’s Esthesia and Consciousness (<i>by the Example of the Works of Anton Chekhov</i>)	187
Oxana Tolstonozhenko. Towards the Invention of Professional Identity of Early 20th Century Autodidact Writers	207
Katerina Bryleva. The memoirs of the son-in-law. <i>One of Nikolai Gumilev’s sources of knowledge about T. Gautier</i>	221
Ilya Vinitsky. “Sergei Esenin’s Last Will and Testament”. <i>The Origins of a Mystification.</i>	234
Anastasia Trushina. The function of biblical subtext in The Story “Hours of Life and Death” by Mikhail Bulgakov	276
Ekaterina Tarasova. What is Evgenij Zamjatin’s “The Queen of Spades” made of?	282
Alexander Kobrinsky. Daniil Kharms as a moviegoer. <i>Preliminary notes</i>	299
Alexander Zholkovsky. Analyzing three analyses. <i>Autoheuristic Notes</i>	312

Editorial Board:

Alexey Balakin, Elena Glukhovskaja,

Aleksander Kobrinskij (Chief Editor),

Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova, Aleksandra Chaban

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ОКСАНА ТОЛСТОНОЖЕНКО
(Красноярск)

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЕЙ-САМОУЧЕК В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

В статье рассматриваются стратегии самоопределения писателей из народа начала XX века в литературном процессе эпохи: употребление самоназваний, подчеркивавших их отличие от «писателей вообще», выстраивание собственной иерархии классиков, рефлексия художественных категорий.

Ключевые слова: писатель из народа, литературная традиция, преемственность, классик, самопрезентация.

Информация об авторе: Оксана Алексеевна Толстоноженко, аспирант Сибирского федерального университета. Красноярск, Россия.

E-mail: t_oksa@mail.ru

Towards the Invention of Professional Identity of Early 20th Century Autodidact Writers

The paper discusses the autodidact writers' self-determination strategies in the literary process of the beginning of 20th century, i. e. constructing endonyms, which revealed their origin specificity and the difference between them and writers "in common sense", invention of their own hierarchy of classics, and reflection on poetics.

Key words: writer from the common people, literary tradition, succession, classic writer, self-presentation.

About the author: Oxana Tolstonozhenko, post-graduate student of the Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: t_oksa@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-2-3-207-220

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-312-00115: «Конструирование профессиональной репутации в литературном процессе первой половины XX века: Опыт писателей-самоучек и русских эмигрантов».

В последние десятилетия XIX и в начале XX века в литературу вошли сотни писателей из народа, что было обусловлено отменой крепостного права и последовавшими за ней реформами, направленными на интеграцию крестьян и городских рабочих в экономическую и культурную жизнь страны. Традиционно этот процесс рассматривается в аспекте «народного чтения»,¹ в то время как «народное письмо» изучается скорее точно — на примере самых творчески и социально успешных авторов из народной среды,² отдельных аспектов³ их произведений или распространенных в то или иное время тем.⁴

Массовая публикация произведений, созданных представителями сословия, которое на протяжении веков оставалось «немым», требовала формирования новой субъектности. По выражению Ю. Н. Тынянова, «каждое литературное направление в известный период ищет своих опорных пунктов в предшествующих системах».⁵ Так, поиск собственного места в культурной среде выражался в реализации набора стратегий, в числе которых можно назвать, во-первых, попытки артикулировать свои отличия, связанные со специфическим культурным бэкграундом, по отношению к существующей традиции, во-вторых, выстраивание в соответствии с этим

¹ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Evanston, 2003; *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009; *Агафонова Я.* Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 2. С. 77–93; *Сафронова Ю.* Нелегальная литература для народа: Читатель воображаемый и реальный // Там же. С. 94–106.

² См., например: *Горбенко А. Ю.* Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова: Генезис, механизмы, семантика, контекст: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.

³ *Поселягин Н. В.* Социальные проекты и литературная деятельность московских литераторов из народа на рубеже XIX–XX веков // *Poetik des Alltags: Russische Literatur im 18.–21. Jahrhundert* / Hrsg. von Alexander Graf. München, 2014. S. 137–147; *Рыкунина Ю. А.* Писатели из народа: (Авто)биографические тексты и контексты // *Autobiografija*. 2014. № 3. С. 15–29.

⁴ *Рыкунина Ю. А.* Первая Мировая война в текстах писателей из народа // Новый филологический вестник. 2015. № 1 (32). С. 32–45.

⁵ *Тынянов Ю. Н.* О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 281.

нового пантеона «классиков», в-третьих, рефлексию художественных форм и приемов.

Понятие «писатель-самоучка»,¹ которое авторы из народа активно использовали при самопрезентации, имеет сложно определяемые границы и включает в себя разные компоненты² — преимущественно социальные и культурные, — из которых складывалась новая идентичность. В момент возникновения литературы самоучек как массового явления первоочередное значение обрел сам факт получения ими нового навыка — овладения письмом: «Малозначимые и малоуспешные (как писатели) при взгляде сверху, с позиций высокой литературы, при взгляде снизу они оказывались лицами незаурядными (из многомиллионного крестьянского населения три четверти были вообще неграмотны, а литераторами стали лишь десятки)».³

Превращение выходцев из народа в субъектов говорения означало, что они нуждались в некоем пространстве коммуникации, где произошла бы встреча с «другим» — читателем. Поэтому, в их представлении, событием, позволявшим заговорить об авторе как о «настоящем» писателе, было появление его произведений в печати. Самоучки обязательно упоминали о первой публикации в автобиографиях и, как правило, именно с этой даты вели отсчет своей творческой деятельности. Помимо символической выгоды, автор мог получить и материальную, что сразу меняло его статус в привычной среде. Так, например, С. П. Подъячев вспоминал о своем первом гонораре: «Прежде, до денег, я был просто „Семка, бродяга, пьяница“, а теперь сделался почему-то „Семеном Павловичем“».⁴

¹ В данной статье понятия «писатель-самоучка», «писатель-автодидакт», «писатель из народа» используются как синонимы.

² Подробнее о разграничении понятий «литература самоучек», «низовая литература», «литература из народа», «массовая литература» и т. п. см.: *Поселягин Н. В.* Проблемы научного издания и комментирования текстов «поэзии из народа» XIX–XX вв. // *Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей.* М., 2013. [Вып. 1.] С. 132–133.

³ *Рейтблат А. И.* Биографируемый и его биограф // *Рейтблат А. И.* Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 188.

⁴ *Подъячев С. П.* Моя жизнь. М.; Л., 1931. Кн. 2. С. 46.

Уже в начале XX века отчетливо наметилась тенденция к автометаописательному повествованию, непосредственно изображающему творческий процесс самоучек, их взаимодействие с традицией и поиск места в литературной системе. Поскольку писательство зачастую воспринималось в народной среде как «барская забава»¹, постольку автодидактам, вступавшим в поле художественной словесности, было необходимо сделать явным свое отличие от писателей и поэтов «вообще» — в их понимании, выходцев из более высоких социальных слоев. Очерчивая границы своей идентичности, они зачастую прибегали к уточнениям социального, профессионального и иного характера, которые появлялись на обложках их книг²: поэт (писатель) из народа, поэт-крестьянин, деревенский писатель-самоучка, писатель-сапожник, поэт-столяр и т. д. Данные обозначения не только подчеркивали «инаковость», но и служили неким оправданием литературных дилетантов, не приобретших из-за своего происхождения достаточного культурного багажа. С другой стороны, такое биографическое обстоятельство могло подаваться как преимущество включавшихся в литературную борьбу новичков. Так, в рассказе П. А. Травина с характерным заглавием «Писатель из народа» один из персонажей подбадривал собеседника: «Вам есть о чем писать... Из мастерских еще мало было поэтов...»³. Сам Травин в одном из своих ранних стихотворений обращался к товарищам по

¹ Ср.: «Слышу крик отца: „Семка, брось к чертовой матери писанье свое! <...> Не доведёт тебя эта «барская забава» до добра“» (Автобиографическая запись и фото Подъячева Семена Павловича // РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1).

² Назаров И. А. Жизнь и песни: Стихотворения и рассказы И. А. Назарова, писателя из народа. Суздаль, 1908; Пробуждение: Альманах писателей из народа. Суздаль, 1912. Кн. 1; Дрожжин С. Д. Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1848–1915 гг.), описанная им самим, и избранные стихотворения. 3-е изд. М., 1915; Краткая биография деревенского писателя-самоучки Максима Васильева Карасева. СПб., 1906; Зайцев П. Е. Родные песни: Стихотворения Петра Егоровича Зайцева, писателя-сапожника. М., 1901; Травин П. А. Думы: Стихотворения П. А. Травина, поэта-столяра. М., 1901. Кн. 1.

³ Травин П. А. Черновая тетрадь с набросками рассказов // РГАЛИ. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 57. Рассказ «Писатель из народа» не был опубликован.

перу: «Хвались, что ты „мастеровой“, / Почетной сделай эту кличку».¹ Стоит отметить, что до отмены крепостного права подобные наименования тоже встречались, но крайне редко; в качестве яркого примера можно назвать А. В. Кольцова, вокруг которого была сконструирована репутация поэта-прасола.²

В качестве своего главного предшественника писатели из народа выбрали Н. А. Некрасова, очевидно импонировавшего им за счет разработанной в его лирике крестьянской темы. Многие поэты-самоучки писали в его честь стихотворения: например, в творческом наследии С. Д. Дрожжина насчитывается не менее четырех адресованных ему посвящений.³

В 1902 году впервые отмечалась памятная дата Некрасова — 25 лет со дня его кончины, в связи с чем в печати появились статьи и воспоминания о нем. Не остались в стороне и самоучки. Так, Московский товарищеский кружок писателей из народа выпустил литературный сборник памяти Некрасова,⁴ включавший произведения разных лет, часть из которых была написана специально для этого выпуска, например, посвящения «27 Декабря 1902 г.» А. Петрова и «Памяти Н. А. Некрасова» М. Цыганова, начинавшееся словами: «Лет двадцать пять тому назад / Жил на Руси певец народный» (с. 25).

Большая часть текстов сборника, посвященных поэту, была выдержана в панегирическом тоне. Самоучки пытались создать образ истинно русского человека, прекрасно знакомого с народной жизнью, проникнутого сочувствием к угнетенному сословию, что усиливалось за счет употребления лексики родства. Так, в стихотворении Е. Нечаева о поэзии

¹ Травин П. А. Думы: Стихотворения. С. 31.

² См. об этом: Шеля А. «Русская песня» в литературе 1800–1840-х годов. Тарту, 2018. С. 118–138.

³ «Н. А. Некрасову» (1875), «Н. А. Некрасову. По прочтении его „Последних песен“» (1877), «На смерть Н. А. Некрасова» (1878), «Памяти Н. А. Некрасова» (1880).

⁴ Литературный сборник: Памяти Н. А. Некрасова. 1877–1902. М., 1903. Сборник был подготовлен в декабре 1902 года, но из-за задержки при прохождении цензуры его выход был отложен до января 1903 года, о чем Травин сообщил членам кружка: Травин П. А. Разрозненные листы из записных книжек // РГАЛИ. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 10б.

Некрасова говорилось: «Многим казалась та песня презрительной / Но большинству-же святой, утешительной, / Откликом *братской* (здесь и далее курсив наш — *О. Т.*) души» (с. 3). В посвящении Петрова риторика родства позволяет пойти дальше и поднять вопрос о непосредственной творческой преемственности, восприятии Некрасова как некоего ориентира, представителя старшего поколения внутри особой литературной традиции, продолжателями которой (и, следовательно, наследниками поэта, хранителями памяти о нем) считают себя самоучки:

Ты-ж будь нам всегда *путеводной звездой,*
 Всегда ободряй нас на трудном пути!
 Ты умер давно, но *живем мы с тобою,*
Дорогой твоею мы будем идти.

Пусть разум и сердце нам путь тот укажут!
 Пусть люди смеются на дружный привет...
 Но *наши творенья потомкам расскажут,*
 Как дорог ты был нам, *родной наш поэт!* (с. 25)

Цыганов в своем стихотворении еще настойчивее погружает Некрасова в народную среду и отмечает, что именно крестьянской теме поэт обязан известностью, при этом все остальные его заслуги в сфере культуры автором игнорируются:

И *землепашца-мужика,*
 И *детвору его он страстно*
 Любил; и *горю бедняка*
Помочь готов был ежечасно.

И *гимны пел он им всегда,*
 Их скромной жизнью вдохновляясь,
 Могучей силе их труда
 И доброте их удивляясь...
 Как часто *с ними он делил*
Досуги жизни и забавы...
 Им много песен посвятил,
 И *тем достиг великой славы* (с. 26).

Несомненно, Некрасов помещался самоучками на самую вершину литературного пантеона, тем самым в символи-

ческой борьбе за звание главного национального поэта он должен был составить конкуренцию А. С. Пушкину. Так, в стихотворении С. Ф. Бобрикова «Певец утра» подчеркивается первенство всепроникающей некрасовской песни:

И прошел ее звук *вдоль российской земли*
Меж *напевов других* горделиво (с. 46).

В стихотворении содержится прозрачная отсылка к строкам Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», в которых была актуализирована роль поэта как голоса нации и будущего объединителя разных этносов в составе империи («Слух обо мне пройдет *по всей Руси великой*, / И назовет меня *всяк суцый в ней язык*»). При этом на первом месте у Бобрикова оказывается идея не национального, а сословного единства.

Аналогичным образом построена аллюзия на пушкинский текст в стихотворении М. Савина «На могиле Некрасова» (ср.: «К нему *не зарастет народная тропа*»):

Да проторит *крестьянский грубый лапотъ*
К могиле здесь твоей широкий, *вечный след...* (с. 23)

Автор словно транслирует волю простого народа, выбирающего в качестве своего главного поэта Некрасова. Эта позиция подкрепляется очерком М. Захарова «Мои воспоминания», помещенном в том же сборнике: в нем автор рассказывает, что он познакомился с творчеством поэта «уже тогда, когда [в нем] укрепилось благоговейное уважение к таланту Пушкина» (с. 63), но оно все же не смогло затмить для него «родного по духу» Некрасова (с. 64).

Созданный самоучками образ «идеального» Некрасова очевидным образом отличался от биографически достоверной репутации поэта. Это несовпадение, несмотря на единокласную положительную оценку его творчества, не могло не возникать в сознании писателей-автодидактов. Захаров в упомянутом выше очерке пытался разрешить для себя это противоречие:

Читая его биографию, статьи и сведения о нем, я или не верил в двойственность его личности, или старался самому себе оправдать эту двойственность. Я не верил и не верю,

чтобы поэт, ради только того, чтобы отвечать требованиям времени, настроению читателей, мог написать такие пронзительно-глубокие по чувству стихи, обращенные к отчизне. <...> А если и эти стихи окрашены ложным настроением, то сам поэт есть буквально психологическая загадка (с. 64).

Так ли иначе ассоциируя себя с созданным ими же литературным образом Некрасова, писатели-самоучки легитимировали собственное присутствие в культурном процессе.

Вторым по значимости поэтом (причем значимым, скорее, в организационно-институциональной перспективе), привлекаемым для конструирования литературной традиции автодидактов, можно назвать И. З. Сурикова.

В 1905 году в Москве было официально зарегистрировано самое масштабное дореволюционное объединение писателей из народа — Суриковский литературно-музыкальный кружок, названный в честь поэта, в 1870-х годах впервые предпринявшего попытку объединить самоучек и издать сборник их стихотворений. В Суздале, где затем возникло ответвление этого кружка, в 1910 году был опубликован сборник «Родная лира» в память о Сурикове, приуроченный к 30-летней годовщине его смерти. В предисловии Суриков был назван «одним из талантливейших русских самородков»,¹ а в посвященных ему стихотворениях (как, например, И. А. Назарова) неоднократно подчеркивалось единство судеб поэта и его последователей:

*Как и он и мы терпели
Все невзгоды и скорбели
О судьбе, страде земли (с. 6).*

Однако, несмотря на общее с самоучками начала XX века происхождение, Суриков очевидно уступал Некрасову в том, что творчество первого не мыслилось как бессмертное. В стихотворении с симптоматичным заглавием «Забытая могила» предстает образ покинутого памятника (здесь также очевидна переключка с пушкинским «К нему не *зарастет* народная тропа»):

¹ Родная лира: Товарищ. сб. стихотворений: Посвящ. доброй памяти поэта-самоучки И. З. Сурикова. Суздаль, 1910. С. III.

Нет ни камня, креста,
Ни к могилке *тропы*,
Вся она заросла (с. 21).

Далее в иерархии этого своеобразного сословно-профессионального пантеона могут быть помещены А. В. Кольцов и И. С. Никитин, чьи биографии побуждали будущих поэтов-самоучек «попробовать свои силы в сложении стихов»¹ и чьим песням они подражали в начале творческого пути (об этом упоминают И. Назаров, Н. Лукьянов, Н. Однолетов, С. Демин и др.²).

Если ориентация автодидактов на Некрасова, Сурикова, Кольцова и Никитина вполне ожидаема и объяснима, то выбор ими некоторых других фигур для конструирования литературной преемственности может быть мотивирован более-менее случайными факторами. Так произошло в 1902 году во время гоголевско-жуковских торжеств, приуроченных к 50-летней годовщине смерти писателей, когда публиковалось большое количество материалов о них и активно проводились памятные мероприятия.³ Стремясь включиться в актуальную литературную дискуссию и наравне с остальными группами заявить о своей причастности к именам великих классиков, московские самоучки выпустили поэтический сборник «Малое великим 1852–1902 г.»,⁴ в который вошли посвящения не только Н. В. Гоголю и В. А. Жуковскому, но и М. Н. Загоскину, который тоже умер в 1852 году, но чья фигура была обойдена вниманием широкой общественности, поскольку он не мог соревноваться в известности с двумя другими писателями. В сборнике самоучек бросается в глаза неравномерное распределение внимания воспеваемым

¹ Родная лира. С. 3.

² Там же.

³ Подробнее о гоголевско-жуковских торжествах и тактиках присваивания символического капитала см.: *Анисимова Е. Е.* В. А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 2. Торжества 1902 г.: Совмещение юбилеев, стратегии автоканонизации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 53–60.

⁴ Малое великим 1852–1902 г.: Сборник стихотворений, посвященных великим писателям земли русской: Гоголю, Жуковскому и Загоскину. М, 1902. Далее при цитировании этого издания страницы указываются в тексте в круглых скобках.

авторам: Гоголю посвящено пять произведений, Жуковскому — семь, а Загоскину — лишь два (еще три стихотворения обращены сразу ко всем писателям). Впрочем, никто из них специально не выдвигается на первый план, упоминание их в определенной последовательности, как кажется, объясняется лишь хронологическим принципом, кроме того, на некоторое единство их значимости для автодидактов указывают строки стихотворения Травина «Три лучших друга»:

Окружен я умными друзьями,
Их беседой страстно увлекаюсь
И пред их великими умами
И душой и сердцем преклоняюсь (с. 27).

Гоголю и Жуковскому в сборнике отводится роль учителей (ср.: Ф. Шкулев о Гоголе: «Он был великий наш учитель» (с. 5); С. Бобриков о Жуковском: «Нас тень учителя-поэта <...> / Собрала вокруг его портрета» (с. 14)) и проводников в мир литературы (ср.: П. Травин о Гоголе: «Будь нам путеводной, яркою звездой» (с. 6); Шкулев о Жуковском: «Для всех нас имя это свято; / Он был предвестник нам благой» (с. 15)). Образ Загоскина, в свою очередь, конструируется как ролевая модель для писателей из народа. Его пример ободряюще действует на них и доказывает, что и без престижного образования можно добиться литературной славы:

Ты слышал упрек в недостатке ученья,
Мишенью порой был для смеха...
Все умерло ныне. Твое-же творенье
Сейчас не теряет успеха (с. 24).

Самоучки здесь, разумеется, игнорируют тот факт, что происхождение, воспитание, старт литературной карьеры и другие аспекты биографии Загоскина все-таки значительно отличались от их собственных.

Наибольший интерес представляют собой предпринятые в сборнике попытки охарактеризовать на языке самой литературы специфику применяемых Гоголем и Жуковским художественных методов. Если первая и вторая обозначенные стратегии (практики особого самоназывания и выстраивание преемственности в литературной традиции) начинают реали-

зываются самоучками сразу, т. е. буквально с момента их возникновения как культурного феномена, то для третьей — рефлексии художественных категорий — требуется время, за которое писатели из народа от подражания и неосознаваемой переработки чужих текстов переходят к пониманию и объяснению механизма заимствования ими тех или иных приемов. Выражаясь словами Ю. М. Лотмана, можно сказать, что настает для них момент самопознания, когда «включаются те механизмы истории, которые должны ей самой объяснить, что произошло».¹

Так, в стихотворной сказке М. Савина «Поединок», посвященной Гоголю, где в качестве действующих лиц выступают персонифицированные человеческие качества, изображена победа Смеха над Пороком. В финальных строках: «Героем стал отныне тот, / Кто был здесь скоморохом» (с. 10), — комизм и сатира утверждаются в качестве основных принципов гоголевского творчества — в том виде, в каком их понимали самоучки. Обращение к сказке мотивировано не только иносказательным потенциалом жанра, но и тем, что писатели из народа, по всей видимости, воспринимали в таком ключе отдельные произведения Гоголя, например, рассказы, включенные в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки».

На подобном принципе — жанровой кодировке собственного текста, производной от жанровой и/или жизнестроительной доминанты предшественника — строится стихотворная «Легенда» Т. Яковлева, посвящённая Жуковскому. В основе ее сюжета лежит история о богатом и знатном рыцаре, нашедшем для своего подрастающего сына наставника, который сумел впоследствии достойно воспитать юношу, а последний, приняв власть, подарил свободу всем своим подданным. Здесь очевидна аллюзия на исторический факт: наставником Александра II был Жуковский, который и воспевается самоучками как человек, напрямую поспособствовавший отмене крепостного права. В «Легенде»

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семисфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2010. С. 23.

отчётливо проявляются черты одного из любимых жанров Жуковского — баллады (родственной легенде своими эпическим началом и «загадочной» атмосферой), к которым можно отнести средневековый антураж. Кроме того, две из трёх частей текста написаны четырёхстопным амфибрахием, как и перевод «Лесного царя», ср.: «Был мудрый, достойный наставник приставлен, / Питомца он нежно любил своего» (с. 20). Подобный анализ литературной формы не был типичным приёмом писателей из народа, однако даже точечное его наличие позволяет говорить об их способности не только перенимать, но и трансформировать художественный язык, тем самым «обустроивая» своё место в культурной системе.

Таким образом, профессиональная идентичность писателей-самоучек начала XX века формировалась в процессе взаимодействия с литературной традицией, которое выражалось как в конструировании преемственных связей с классикой, так и в отказе от устоявшихся иерархий, подчеркивании своих отличий от привычного и «правомерного» писательского образа, а также в осознанном обращении с художественными категориями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 2. С. 77–93.
2. Анисимова Е. Е. В. А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 2. Торжества 1902 г.: Совмещение юбилеев, стратегии автоканонизации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 53–60.
3. Горбенюк А. Ю. Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2010. С. 12–148.
5. Поселягин Н. В. Социальные проекты и литературная деятельность московских литераторов из народа на рубеже XIX–XX веков // Poetik des Alltags: Russische Literatur im 18.–21. Jahrhundert / Hrsg. von Alexander Graf. München, 2014. S. 137–147.

6. *Поселягин Н. В.* Проблемы научного издания и комментирования текстов «поэзии из народа» XIX–XX вв. // *Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей.* М., 2013. [Вып. 1.] С. 132–142.
7. *Рейтблат А. И.* Биографируемый и его биограф // *Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы.* М., 2014. С. 197–188.
8. *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
9. *Рыкунина Ю. А.* Первая Мировая война в текстах писателей из народа // *Новый филологический вестник.* 2015. № 1 (32). С. 32–45.
10. *Рыкунина Ю. А.* Писатели из народа: (Авто)биографические тексты и контексты // *Autobiografija.* 2014. № 3. С. 15–29.
11. *Сафронова Ю.* Нелегальная литература для народа: Читатель воображаемый и реальный // *Новое литературное обозрение.* 2019. № 2. С. 94–106.
12. *Тынянов Ю. Н.* О литературной эволюции // *Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино.* М., 1977. С. 270–281.
13. *Шеля А.* «Русская песня» в литературе 1800–1840-х годов. Тарту, 2018.
14. *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature 1861–1917. Evanston, 2003.

REFERENCES

1. *Agafonova Ya.* Klassika dlya naroda v adaptacijah Postoyannoj komissii po ustrojstvu narodnyh chtenij // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2019. № 2. S. 77–93. (In Russ.)
2. *Anisimova E. E.* V. A. Zhukovskij mezhdru dvuh yubileev (1883–1902). Stat'ya 2. Torzhe-stva 1902 g.: Sovmeshchenie yubileev, strategii avtokanonizacii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* 2013. № 6 (26). S. 53–60. (In Russ.)
3. *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature 1861–1917. Evanston, 2003.
4. *Gorbenko A. Yu.* Zhiznestroitel'stvo G. D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst: Dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2016. (In Russ.)
5. *Lotman Yu. M.* Kul'tura i vzryv // *Lotman Yu. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchih mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki.* SPb., 2010. S. 12–148. (In Russ.)
6. *Poselyagin N. V.* Problemy nauchnogo izdaniya i kommentirovaniya tekstov «poezii iz naroda» XIX–XX vv. // *Tekstologiya*

- i istoriko-literaturnyj process: Sb. statej. M., 2013. [Vyp. 1.] S. 132–142. (In Russ.)
7. *Poselyagin N. V.* Social'nye proekty i literaturnaya deyatel'nost' moskovskih literatorov iz naroda na rubezhe XIX–XX vekov // Poetik des Alltags: Russische Literatur im 18.–21. Jahrhundert / Hrsg. von Alexander Graf. München, 2014. S. 137–147. (In Russ.)
 8. *Rejtblat A. I.* Biografiruemyj i ego biograf // Rejtblat A. I. Pisat' poperyok: Stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury. M., 2014. S. 197–188. (In Russ.)
 9. *Rejtblat A. I.* Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoj sociologii russkoj literatury. M., 2009. (In Russ.)
 10. *Rykunina Yu. A.* Pervaya Mirovaya vojna v tekstah pisatelej iz naroda // Novyj filologicheskij vestnik. 2015. № 1 (32). S. 32–45. (In Russ.)
 11. *Rykunina Yu. A.* Pisateli iz naroda: (avto)biograficheskie teksty i konteksty // AvtobiografiYa. 2014. № 3. S. 15–29. (In Russ.)
 12. *Safronova Yu.* Nelegal'naya literatura dlya naroda: Chitatel' voobrazhaemyj i real'nyj // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 2. S. 94–106. (In Russ.)
 13. *Shelya A.* «Russkaya pesnya» v literature 1800–1840-h godov. Tartu, 2018. (In Russ.)
 14. *Tynyanov Yu. N.* O literaturnoj evolyucii // Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. M., 1977. S. 270–281. (In Russ.)